

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

Анимоксы

Сердце Хищника

Пять Осколков

Город акул

Паучья корона

Ошибка Саймона

Анимоксы. Наследники

Лисий план

Ядовитый друг

Заклятый брат

Испытание Уинтер

Месть тигра

ЭЙМИ КАРТЕР

АНИМОКСЫ

О·Ш·И·Б·К·А
С·А·Й·М·О·Н·А

Москва
2025

УДК 821.111-93(73)
ББК84(7Coe)-44
К27

Aimée Carter
SIMON THORN AND THE EAGLE'S LAIR

Text © 2018 by Aimée Carter

First published in Germany in the German language by Oetinger Verlag under
the title «Animox 5: Der Flug des Adlers»

Cover design by Frauke Schneider © Verlag Friedrich Oetinger GmbH,
Hamburg

Картер, Эйми.

К27 Ошибка Саймона / Эйми Картер ; [перевод с английского
Т. А. Чаматы]. — Москва : Эксмо, 2025. — 304 с. — (Анимоксы).
ISBN 978-5-04-118091-1

Саймон и Нолан — братья-близнецы. Никто бы не отличил их друг от друга: внешне они совершенно одинаковые. Только Саймон рос с дядей в человеческом мире, а Нолан — с мамой и бабушкой среди анимоксов — полулюдей-полуживотных. Саймон не может простить брату то, что всё детство мамы не было рядом. Но сейчас не время вспоминать старые обиды, потому что весь мир анимоксов в большой опасности! Повелитель Птиц, их дед, мечтает собрать Осколки самого мощного оружия и подчинить себе весь мир. Саймон приготовился сражаться с Орионом до последнего. К тому же он уже нашёл три Осколка. Только одно происшествие спутало все его планы! Нолан неожиданно исчез... прихватив с собой все найденные Осколки...

Пятая книга в серии «Анимоксы».

УДК 821.111-93(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-118091-1

© Чамата Т. А., перевод на русский язык, 2021
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Тебе, мой читатель.

Я была счастлива писать для тебя историю Саймона.

Спасибо.

УПИТАННЫЙ ГОЛУБЬ

Тук-тук. Тук-тук-тук.

Саймон Торн открыл глаза. Он лежал в спальнике на полу своей комнаты, тяжело дышал и вспотел, потому что солнце было уже очень жарким. Всего мгновение назад ему снился кошмар, и хотя Саймон не помнил, что именно в нём было, его не покидало чувство, что нужно куда-то бежать, пока не стало слишком поздно.

Тук. Тук-тук-тук.

— Будь добр, скажи своим дурацким голубям, что не все тут хотят вставать в шесть утра, — пробурчала Уинтер, свернувшаяся клубочком на кровати Саймона. Точнее, на бывшей кровати — Саймон спал на ней до прошлого сентября, когда они с дядей Дэррилом ещё жили в этой квартире. Но сейчас на улице цвёл май, и изменилось не только время года.

Тук. Тук-тук. Тук-тук-тук.

Уинтер застонала и накрыла голову подушкой.

— Если ты их сейчас же не заткнёшь, я открою окно и сделаю из них...

— Блинчики с голубями? — спросил Саймон, вставая. Уинтер, сморщившись, взглянула на него из-под подушки.

— Фу, нет, гадость какая. Кто вообще будет есть блинчики с голубями?

— Забудь, — пробормотал Саймон, приоткрывая окно. На подоконнике перед пожарным выходом толпился десяток голубей, пытающихся пропихнуться вперёд.

— Еда? — спросил самый упитанный из них. Саймон его знал — он прилетал каждое утро. Мысленно вздохнув, он достал из закрытого пластикового контейнера со стола пару кусочков хлеба и бросил в толпу, безрадостно наблюдая, как голуби дерутся за чёрствые крошки.

— Никто не заставляет тебя туда идти, — приглушённо заметила Уинтер. — Ты вчера ничего не нашёл, сегодня не найдёшь, и завтра тоже.

— Возможно, — сказал Саймон. — Но я всё равно проверю.

Она что-то неразборчиво проворчала и зарылась в подушку ещё глубже.

— Ладно. Иди, если тебе неймётся. Но кое-кто уже явно встал, потому что я чую кофе, а прикрывать я тебя больше не стану.

Но Уинтер лукавила — она прикрывала его каждое утро, что они встречали в квартире, куда Саймон и не надеялся больше вернуться. Но он всё равно кивнул, прикрыл глаза, представляя голубя, и тело его начало уменьшаться.

Всё закончилось так быстро, что он едва заметил, как кожа покрылась перьями, как руки обернулись крыльями, босые стопы — когтями. Даже изменившееся зрение, практически позволяющее заглянуть себе за спину, ни-

чуть его не смутило, и стоило человеческому телу превратиться в птичье, как он вскочил на подоконник, вливаясь в голубиную стаю. Птицы, остервенело хватаящие крошки, прервались и попятились подальше от него. Саймон их понимал, в общем-то. Если бы у него на глазах голубь внезапно обернулся человеком, он бы тоже отступил назад. Но за несколько недель многие птицы привыкли к Саймону, поэтому вскоре вернулись к трапезе.

— Не умри, — сказала Уинтер и с тихим стуком закрыла окно. Через стекло Саймон смотрел, как она возвращается в постель, и оторвал взгляд, только когда в него врезался тот самый упитанный голубь.

— Мог бы и остальным оставить, — проворчал Саймон. Голубь курлыкнул.

— Еда? — снова спросил он, и Саймону пришлось сдерживать тихие ругательства, чтобы его не спугнуть.

— Заканчивай, и полетели, — сдался он. Голубь, не замечая его плохого настроения, вновь накинулся на горбушку. Самому Саймону тоже хотелось есть, но он так и не смог заставить себя поклевать хлеб. Несмотря на то что он был анимоксом, человеком, способным превращаться в животных, Саймон так и не привык питаться ни в одном из доступных ему обличий.

А таких было много — столько, сколько он хотел. Он мог становиться голубем, волком, дельфином — кем угодно, потому что Саймон отличался от обычных анимоксов, которые превращались в какое-нибудь одно животное. Он происходил из рода Звериного короля, тирана, жившего пятьсот лет назад, который украл способности множества анимоксов, — а теперь эти способности передались Саймону. Те немногие, что знали о его силах, считали их крутыми и полезными, достойными хвастовства, если бы не были такой большой тайной, но Саймон знал печальную правду. Его силы и правда особенные — на-

столько, что поставили Пять Царств анимоксов под угрозу войны, о которой те пока даже не знали.

Неудивительно, что ему снились кошмары. В голову постоянно лезли мысли о назревающем конфликте, и даже свежий утренний воздух не помогал. В последнее время вообще ничего не помогало, какие бы усилия ни прикладывали Уинтер, друзья и семья. Он знал, к чему всё идёт, и понимал, что не остановит войну, даже спрятавшись от мира анимоксов в своей старой квартире.

— Да заканчивай уже, — нетерпеливо сказал он голубю, который не мог оторваться от еды. Уинтер была права — времени было мало, потому что скоро за ним должен был прийти дядя Малкольм. Если он поймёт, что Саймон в очередной раз сбежал на улицу, несмотря на прямой запрет, то точно заставит его месяц драить туалеты.

Поэтому, окончательно отчаявшись, он сделал то, чего делать не следовало: обернулся маленькой собачкой и громко гавкнул, распутивая голубей. Идея была дурацкой, но в переулке никого не было, а так он спасся от очередного спора с Малкольмом, значит, риск того стоил. Голуби взмыли в воздух, и Саймон, вновь сменив облик, присоединился к ним, безупречно слившись с толпой — спасибо нескольким неделям тренировок. К счастью, стая не стала возвращаться к крошкам, оставшимся на пожарной лестнице, а полетела напрямиком к манящей зелени Центрального парка, располагавшегося на соседней улице.

Когда Саймон ещё не знал о существовании анимоксов, не познакомился с Уинтер и Малкольмом, когда даже не подозревал, что в нём скрывается нечто особенное, он каждое утро шёл в школу, срезая дорогу через северо-западный угол Центрального парка. Даже сейчас, пролетая сквозь едва распутившуюся листву, он видел тропинку, по которой ходил бесчисленное множество раз. Одно-

классников не видно — слишком рано, — но он представил себе Колина Хартвуда, бывшего лучшего друга, и Брайана Баркера, который постоянно его задирает, вместе шагающих по дороге с рюкзаками, набитыми учебниками. В школе Саймон был несчастен, но он бы отдал всё, чтобы вернуться во времена, когда судьба мира не лежала на его плечах. Когда жизнь была простой, а дядя Дэррил — живым.

Дядю убил правитель Царства Птиц — Орион — и дедушка Саймона. И сколько бы друзья и семья ни убеждали Саймона, что он ни в чём не виноват, он отказывался верить. Это за ним дядя Дэррил поднялся на самый верх Небесной башни, небоскрёба в паре улиц от Центрального парка. Это его он пытался защитить и лишился жизни, умерев на глазах у Саймона.

Его смерть стала первым событием в цепочке кошмаров, начавшейся, когда Саймон узнал об анимоксах. И сейчас, несколько месяцев спустя, казалось, что вся его жизнь разделилась на «до» и «после». И он твёрдо пребывал в «после» — а потом Малкольм решил, что укрываться от анимоксов будет лучше всего в том же месте, где дядя Дэррил прятал Саймона большую часть его жизни. Снедаемый мыслями о прошлом, Саймон уже не знал, двинется вперёд или назад.

Голуби резко повернули влево, в сторону Гарлема — района к северу от Центрального парка. Саймон, не ожидавший этого, за ними не полетел и остался в компании одного лишь солнца, поднимающегося из-за горизонта. В стае безопаснее — если за ним следят, разглядеть его среди голубей будет сложнее. В одиночку же он станет лёгкой добычей для армии Ориона.

Но Орион не знает, что Саймон умеет превращаться в разных животных, иначе давно бы его выследил. А поскольку Птиц поблизости Саймон не замечал, то мог сме-

ло предполагать, что Царство Птиц до сих пор считает, что он способен превращаться только в орла, как и сам Орион. Значит, с ним всё будет хорошо, если Птичья армия вдруг не раскроет его тайну именно сегодня. Глубоко вдохнув, Саймон отбросил все сомнения и резко повернул вправо, в Центральный парк. Время поджимало, и он не мог тратить его на голубей.

Когда он пролетел над водохранилищем, по коже пробежали мурашки — кажется, среди деревьев неподалёку мелькнул ястреб, но он пропал так быстро, что Саймон не успел его разглядеть. Крепко стиснув клюв, он ускорился, проносясь над лодочной станцией и статуями, украшающими парк, над людьми, пораньше вышедшими на пробежку или выгулять собак, пока не добрался до ограды зоопарка. Но его интересовал не сам зоопарк — а школа, спрятанная под землёй.

Передовой Результативный Институт для Юных Талантов, он же ПРИЮТ — лучшая школа анимоксов в стране. Там учились самые сильные представители Зверей, Рептилий, Насекомых и Арахнидов, а также анимоксы из Подводного Царства, и в начале года Саймон к ним присоединился. Именно там он познакомился с дядей Малкольмом — и, к удивлению Саймона, со своим братом-близнецом, о существовании которого даже не подозревал. Нолан тоже не знал о Саймоне, что привнесло в жизнь новые сложности, о которых Саймон хотел бы забыть по многим причинам.

С тяжёлым сердцем он приземлился на решётку вольера с тюленями в центре зоопарка. Столь ранним утром на территории никого не было, и при виде пустых мощёных тропинок Саймон содрогнулся. Обычно даже после закрытия зоопарка его патрулировали волки, которых приходилось избегать. Но они давно оставили обязанности, и это было непривычно.

Внимание привлёк ястребиный клич, и Саймон быстро обернулся, ища глазами птицу. Поблизости никого не оказалось, но это не значило, что за ним не наблюдают.

Неужели Птицы всё же прознали? Кто-то заметил, как он обращается в голубя, или за ним следили, когда он стал псом? Саймон даже не пытался скрыться от чужих глаз. Раньше Орион уже посылал голубей шпионить за ним, и кто угодно из стаи мог донести ему.

Несколько минут Саймон ждал. Он и сам не знал, чего именно — может, клёкота. Подозрительного птичьего крика. Появления армии Ориона, состоящей из самых опасных хищных птиц. Но ничего подозрительного не было слышно — лишь привычные звуки города и зверей, проснувшихся с восходом солнца. И если Саймон хотел вернуться до того, как Малкольм заметит его отсутствие, нужно было пошевеливаться.

Решительно хлопнув крыльями, он перелетел в скрытый закуток неподалёку от входа, где стояли две статуи волков. Статуи были не простыми — под ними покоились могилы его отца и дяди Дэррила. Саймон приземлился перед каменным волком, беззвучно воющим на невидимую луну, внимательно проверил, нет ли кого поблизости, а затем обернулся человеком. Он знал, что рискует, но приходил сюда уже несколько недель подряд, и пока никто его не поймал.

— Так странно жить в нашей квартире без тебя, — пробормотал он, обращаясь к воющему волку, по морде которого бежал шрам — точно такой же, какой был у дяди Дэррила. — Иногда я натыкаюсь на дядю Малкольма и вижу в нём тебя.

В такие моменты тяжелее всего. Он знает, что по отношению к Малкольму это нечестно, но в глубине души, несмотря на все события прошедшего года, до сих пор оплакивает единственного родителя, с которым рос.

И не важно, что Дэррил приходился ему дядей. Мама навещала его раз в сто лет, задерживаясь всего на пару часов, и всё их общение сводилось к открыткам, которые она посылала Саймону каждый месяц из разных уголков страны. Настоящей семьёй для него был дядя Дэррил, который всегда оставался рядом.

Саймон посмотрел на вторую статую. Каменный волк склонил голову, и хотя он был моложе первого и не носил шрамов, было в нём что-то печальное, будто он понимал, что так и не прожил жизнь, которой заслуживал. Саймон не знал своего отца — Орион убил его ещё до рождения Саймона. Но именно Люк Торн передал им с Ноланом способности Звериного короля, и он ощущал с отцом связь, которую не мог выразить словами.

— Я не знаю, что делать, — тихо признал он, обращаясь скорее к себе, чем к холодному камню. — Уже несколько недель прошло, а дядя Малкольм так и не нашёл Нолана с Селестой. За ними охотится вся стая, а если мы их не отыщем...

Он виновато поглядел на статую Дэррила. Дядя умер, защищая Саймона, но вместе с тем — чтобы не позволить Ориону добраться до Сердца Хищника, оружия, с помощью которого Звериный король много столетий назад присваивал способность анимоксов. Расправившись со Звериным королём, все Пять Царств забрали и спрятали по Осколку Хищника, чтобы больше никто не собрал оружие. Но мама Саймона нашла тайники — и Орион, её отец, похитил её, чтобы заставить украсть Осколки. Но оказалось, что в открытках, которые она всю жизнь посылала Саймону, скрывались подсказки к местонахождению частей Хищника. В итоге у Ориона остались два Осколка, а Саймон с помощью открыток нашёл три оставшихся.

Но не только Орион за ними охотился. Селеста, мать Малкольма и бывшая Альфа Царства Зверей, тоже хотела

их заполучить. Селеста усыновила папу Саймона и вырастила его как собственного ребёнка — то есть приходилась Саймону бабушкой. Сам он так и не смог её признать, но Нолан провёл с ней всю жизнь. Он любил её, и в апреле она каким-то образом уговорила его украсть Осколки, которые нашёл Саймон, и сбежать с ней, бросив остальную семью. Бросив Саймона. И теперь всё, над чем он работал с сентября — всё, что он разузнал, все предпринятые шаги, всё, ради чего умер дядя Дэррил, — пропало. А как только Селеста придумает, как выкрасть у Ориона оставшиеся Осколки, она соберёт оружие и получит все силы анимоксов, какие только захочет. И хотя она обманом заполучила доверие Нолана, Саймон не сомневался: она убьёт брата с помощью Хищника, поглотит могущество Звериного короля и будет править Пятью Царствами анимоксов железной рукой.

Часы на противоположном конце зоопарка пробили семь утра, и Саймон дёрнулся от неожиданности. Малкольм должен уже проснуться, но Саймон никак не мог заставить себя посмотреть на выщербленный камень у подножья статуи дяди Дэррила. Потому что сколько бы он ни искал их глазами, сколько бы ни надеялся, открыток под ним никогда не было. Нолан его бросил. Мама его бросила. И хотя ему было всего двенадцать и он понимал, что никто не должен был сваливать на него такую ответственность, Саймон знал: если он будет прятаться и медлить, то вина за гибель всех анимоксов ляжет на его плечи.

Он пообещал себе, что больше не придёт. Летать и превращаться в общественных местах опасно — и, может, стоило поговорить с Малкольмом и вместе решить, что делать дальше. Они могли бы что-нибудь предпринять, а не просто сидеть и ждать, пока кто-нибудь соберёт Хищника. Хотел Саймон того или нет, но Осколки нужно